

БЕРТРАН РАССЕЛ

*САТАНА В ПРЕДМЕСТЬЕ
КОШМАРЫ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
Р24

Серия «Эксклюзивная классика»

Bertrand Russell

SATAN IN THE SUBURBS
NIGHTMARES OF EMINENT PERSONS

Перевод с английского *А. Кабалкина*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения
The Bertrand Russell Peace Foundation Ltd.

Рассел, Бертран.

Р24 Сатана в предместье. Кошмары знаменитостей : [сборник] / Бертран Рассел ; [пер. с англ. А. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-111913-3

Жемчужины тонкого юмора вперемешку с остроумными фразами, каждая из которых тянет на афоризм, щедро рассыпаны буквально на каждой странице этого уникального сборника, который критики называли собранием «очень серьезных шуток».

Итак. Сатана открывает врачебный кабинет и обещает своим клиентам всяческие встряски и волнения. Казалось бы, что хорошего? Однако любопытство делает свое дело, и глупая рыбешка одна за другой клюет на отравленную приманку...

Или другой поворот. На славном острове Корсика творятся странные дела, от которых смоляные шевелюры мужчин седеют, а тело наливается старческим свинцом. Беззаботная жизнерадостная девушка после двухнедельного отпуска на Корсике возвращается морщинистой сторбленной каргой...

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

© The Bertrand Russell Peace Foundation Ltd., 1953, 1954

© Перевод. А. Кабалкин, 2017

ISBN 978-5-17-111913-3 © Издание на русском языке АСТ Publishers, 2018

САТАНА В ПРЕДМЕСТЬЕ

Предисловие

Пробовать что-то новое в восьмидесятилетнем возрасте не очень-то принято, хотя прецеденты имеются: Хоббс был еще старше, когда гекзаметром на латыни написал автобиографию. Тем не менее будет все-таки нелишне сказать несколько слов в ответ на вероятное недоумение. Вряд ли читатель удивится сильнее меня самого этой попытке сочинять рассказы. По совершенно неведомой причине у меня вдруг возникло такое желание, хотя я никогда раньше об этом не помышлял. Я неспособен на критическое суждение в этой области и не знаю, стоят ли чего-нибудь мои рассказы. Знаю одно: сочинять их было удовольствием, а значит, для кого-то может оказаться удовольствием их читать.

К реализму автор не стремился, и, боюсь, читателя ждет разочарование, если он вздумает искать замки Гибеллинов на Корсике или философов-дьяволопоклонников в Мортлейке. Автор не имел никаких серьезных намерений. Первыми из-под пера вышли «Корсиканские страдания мисс Икс» — попытка совместить настроения «Зулейки

Добсон» и «Удольфских тайн»^{*}, но другие рассказы, насколько я понимаю, меньше связаны с прежними образцами. Буду сильно огорчен, если кто-то сочтет, что мои рассказы содержат нравственный урок или иллюстрируют некую доктрину. Каждый написал сам по себе, просто как история, и, если она окажется интересной или забавной, значит, цель достигнута.

«Корсиканские страдания мисс Икс» анонимно публиковались в рождественском номере GO в 1951 г.

^{*} «Зулейка Добсон, или Оксфордская история любви» — роман Макса Бирбома (1911), одна из вершин английского черного юмора. «Удольфские тайны» — готический роман ужасов Анны Радклиф (1794). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Сатана в предместье, или Здесь производят ужасы

I

Я живу в Мортлейке и ежедневно езжу на работу поездом. Однажды вечером, возвращаясь домой, я увидел на воротах виллы, мимо которой постоянно хожу, новую медную табличку. К моему удивлению, вместо обычного уведомления о врачебном приеме табличка сообщала:

ЗДЕСЬ ПРОИЗВОДЯТ УЖАСЫ Обращаться к доктору Мердоку Маллако

Заинтригованный, я, придя домой, написал письмо с просьбой о более подробной информации, которая позволила бы мне решить, становиться ли клиентом доктора Маллако. Полученный ответ гласил:

Дорогой сэр,

я не удивлен, что вам понадобилось объяснение в связи с моей табличкой. Возможно, вы обратили внимание на недавнюю тенденцию сетовать на скуку и однообразие жизни в пригородах наших великих столиц. Люди, чье мнение имеет вес, высказывают суждение, что немного приключений, даже опасности способны скрасить жизнь жертвам однообразия.

В надежде удовлетворить эту потребность я и занялся совершенно для себя новым делом. Полагаю, что смогу обеспечить моим клиентам встряску и волнение, которые полностью преобразят их жизнь.

Если вам потребуются дальнейшие разъяснения, они будут даны в случае записи на прием. Мой тариф — 10 гиней в час.

Этот ответ навел меня на мысль, что доктор Маллако — филантроп нового замеса, и я долго не мог решить, нужны ли мне дальнейшие разъяснения за 10 гиней или лучше употребить эту сумму на иные удовольствия.

Как-то вечером в понедельник — я еще не нашел ответ на этот вопрос — моему взору предстал сосед мистер Аберкромби, выходявший из дверей доктора. Он был бледен, растерян, взгляд имел блуждающий, походку неуверенную. Потоптавшись у ворот, он вышел на улицу с таким видом, словно заблудился в совершенно незнакомом месте.

— Господи, что с вами? — окликнул я его.

— Ничего особенного, — ответил Аберкромби, неубедительно изображая спокойствие. — Просто поговорили о погоде.

— Не пытайтесь меня обмануть, — сказал я. — Судя по ужасу на вашем лице, речь шла о чем-то худшем, чем даже погода.

— Ужас? Ерунда! — вспыхнул он. — Все дело в крепости его виски.

Было очевидно, что он хочет избавиться от меня и моей назойливости, поэтому я предоставил ему самому искать дорогу домой и несколько дней ничего о нем не слышал. На следующий

день, возвращаясь в тот же час, я увидел другого соседа, мистера Бошама, выходявшего оттуда же с той же смесью изумления и ужаса на лице, но, когда я к нему подошел, он молча от меня отмахнулся. В очередной раз меня ждало такое же зрелище в лице мистера Картрайта. Вечером в четверг миссис Эллеркер, сорокалетняя замужняя дама, с которой я поддерживал дружеские отношения, выбежала из той же самой двери и прямо на тротуаре лишилась чувств. Я помог ей прийти в себя, но, опомнившись, она сумела с содроганием выдать одно-единственное слово: «Никогда». Больше я ничего не смог от нее добиться, хотя проводил до самой двери.

В пятницу я ничего не видел, а в субботу и воскресенье не ездил на работу, поэтому не бывал у ворот доктора Маллако. Но воскресным вечером мой сосед Кослинг, зажиточный горожанин, заглянул ко мне поболтать. Я налил ему рюмочку и усадил в самое удобное свое кресло, после чего он по своему обыкновению завел разговор о наших местных знакомых.

— Слыхали о странных событиях на нашей улице? — спросил он. — Аберкромби, Бошам, Картрайт заболели и не вышли на службу, а миссис Эллеркер лежит в темной комнате и все время стонет.

Видимо, Гослинг понятия не имел о докторе Маллако и его странной медной табличке, поэтому я решил ничего ему не говорить и предпринял собственное расследование. Я по очереди наведалься к Аберкромби, Бошаму и Картрайту, но ни один из них не пожелал со мной разговаривать. Миссис

Эллеркер оставалась невидимой затворницей. Было ясно, что происходит нечто странное и причина этого — доктор Маллако. Я решил побывать у него, но не как клиент, а с целью выяснить, что к чему. Я позвонил в звонок и был препровожден вышколенной горничной в хорошо оснащенный кабинет.

— Чем могу быть вам полезен, сэр? — с улыбкой обратился ко мне, входя, доктор Маллако. Мanners у него были учтивые, но улыбка загадочная, взгляд пронизательный и холодный; рот улыбался, глаза — нет. Эти глаза вызвали у меня безотчетную дрожь.

— Доктор Маллако, — начал я, — мне приходится ежедневно, кроме субботы и воскресенья, ходить мимо ваших ворот, и четыре вечера подряд я становился свидетелем странного явления одного и того же весьма тревожащего свойства. Ваше загадочное письмо не рассеяло моего недоумения по поводу надписи на вашей табличке, но то немногое, что я увидел, заставило меня усомниться, что вы преследуете сугубо благотворительные цели, каковое впечатление стремились создать. Возможно, я ошибаюсь, и в этом случае вам не составит труда меня успокоить. Но предупреждаю: я не буду удовлетворен, пока вы не объясните причины странного состояния, в котором господа Аберкромби, Бошам и Картрайт, а также мисс Эллеркер покидали ваш кабинет.

Пока я говорил, доктор Маллако перестал улыбаться, и его взгляд сделался очень суровым и укоризненным.

— Сэр, — сказал он, — вы призываете меня совершить низость. Разве вам неизвестно, что тайны,

доверяемые пациентами врачу, надлежит хранить так же нерушимо, как тайну исповеди? И что если я удовлетворю ваше праздное любопытство, то меня справедливо обвинят в гнусном поступке? Вы умудрились так долго прожить и не узнать, что врач обязан уважать секреты доверившихся ему людей? Нет, сэр, вместо ответа на ваши дерзкие вопросы я вынужден потребовать, чтобы вы немедленно удалились из моего дома. Вот дверь!

Снова очутившись на улице, я попытался побороть свое замешательство. Если он действительно был обыкновенным врачом, то его ответ на мои вопросы пришлось бы счесть совершенно корректным. Неужели я ошибся? Неужели он раскрыл всем четырем пациентам некую болезненную правду об их здоровье, о которой они прежде не знали? Это выглядело невероятным. Но как мне было поступить теперь?

Еще неделю, минуя утром и вечером его ворота, я глядел в оба, но ничего больше не заметил. Тем не менее странный эскулап не выходил у меня из головы. Он являлся мне в ночных кошмарах, иногда с копытами и хвостом, со своей медной табличкой на груди, иногда с горящими в темноте глазами и почти невидимыми губами, беззвучно произносящими: «ТЫ ПРИДЕШЬ!» С каждым днем я все медленнее брел мимо его ворот, ощущая все более сильное побуждение войти, только уже не как сыщик, а как клиент. Я сознавал, что это безумное наваждение, но не мог от него отделаться. От этого ужасного притяжения все больше страдала моя работа. Наконец, явившись к своему начальнику, я, не упоминая доктора Маллако, убедил его,

что заработался и остро нуждаюсь в передышке. Начальнику, человеку гораздо старше меня, к которому я питал глубокое уважение, хватило одного взгляда, чтобы оценить мое плачевное состояние, проявить сострадание и удовлетворить просьбу.

Я полетел на Корфу, надеясь, что солнце и море даруют мне забвение. Но, увы, там я тоже ни днем ни ночью не знал покоя. Каждую ночь мне являлись во сне горящие глаза, причем еще крупнее прежних. Не было ночи, когда я не проснулся бы в холодном поту от потустороннего голоса, звавшего: «ПРИДИ!» В конце концов я решил, что отпуск мне не поможет, и в отчаянии вернулся, надеясь, что научные изыскания, которыми я занимался и к которым проявлял страстный интерес, восстаноят во мне здравомыслие. Я с головой нырнул в темные научные глубины и заодно освоил другую дорогу со станции домой, чтобы не ходить мимо ворот доктора Маллако.

II

Я уже надеялся, что наваждение рассеивается, но как-то вечером ко мне опять явился Гослинг. Он был жизнерадостный, румяный, кругленький — именно такой человек, решил я, способен развеять мрачные фантазии, лишившие меня душевного покоя. Но первые его слова, последовавшие за глотком предложенного мной прохладительного напитка, снова опрокинули меня в бездну ужаса.

— Слыхали? Мистер Аберкромби арестован!

— Боже всемогущий! — вскричал я. — Аберкромби арестовали? Что он натворил?

— Аберкромби, как вам известно, — начал Гослинг, — всеми уважаемый управляющий крупным филиалом одного из наших ведущих банков. На его профессиональной и частной жизни никогда не было ни единого пятнышка, так же прожил жизнь его отец. Можно было не сомневаться, что по случаю очередного дня рождения он будет удостоен посвящения в рыцарское достоинство, кроме того, набирала силу кампания по выдвижению его кандидатом в палату общин в нашем избирательном округе. Но, при всем длинном списке своих заслуг, он, похоже, похитил крупную сумму, да еще предпринял трусливую попытку переложить вину на подчиненного.

До сих пор я считал Аберкромби своим другом, и это известие сильно меня огорчило. Он находился под следствием, и я, преодолев трудности, убедил тюремное начальство разрешить мне навестить его. Аберкромби исхудал, глаза у него ввалились, он не находил себе места и пребывал в отчаянии. Сначала он уставился на меня, как на незнакомца, и долго не признавал бывшего друга. Я поневоле связывал его плачевное состояние с визитом к доктору Маллако и не расставался с надеждой проникнуть в эту тайну и найти объяснение внезапно открывшегося преступления бедняги.

— Мистер Аберкромби, — заговорил я, — как вы, конечно, помните, в прошлый наш разговор я пытался постигнуть причину вашего странного поведения, но вы отказались что-либо сообщить. Ради бога, не отталкивайте меня снова. Сами видите, что вышло из-за вашего упрямства. Умоляю, скажите правду, пока не поздно!

— Увы, — ответил он, — время для ваших попыток, диктуемых лучшими побуждениями, прошло. Все, что мне осталось, — в унынии ожидать смерти для себя и бедности и позора для моих несчастных жены и детей. Будь проклят тот миг, когда я вошел в его мерзкую дверь! Будь проклят дом, где я внимал дьявольским бредням злодея!

— Этого я и боялся... — пробормотал я и взмолился: — Расскажите мне все!

— Я пришел к доктору Маллако, — начал Аберкромби свою исповедь, — в настроении беззаботного любопытства, гадая, что за ужасы он предложит. Я недоумевал, как можно надеяться заработать на жизнь, смущая людей подобными рассказами. Вряд ли, думал я, найдется много таких, как я, готовых на столь бесполезные траты. Однако доктор Маллако выглядел очень самоуверенным. Он обошелся со мной не так, как это обычно делают большинство жителей Мортлейка, даже самых видных: те стараются втереться ко мне в доверие как к влиятельной персоне, а он, напротив, сразу повел себя высокомерно, даже отчасти презрительно. Я почувствовал, насколько он проницателен, как хорошо читает даже самые потаенные мои мысли.

Сначала все это показалось мне всего лишь глупой забавой, и я старался сохранить здравомыслие, но он загипнотизировал, прямо-таки околдовал меня своей монотонной речью, в которой не угадывалось ни малейшего чувства. Воля меня покинула, на поверхность всплыли самые тайные мысли, которые до сих пор посещали меня разве что в ночных кошмарах: так морские чудища, покидая пещеры на дне, выныривают из бездны,

чтобы нагнать ужас на китобоев. Подобно брошенному командой судну в южных морях, я взмывал ввысь на гребнях вздымаемых его воображением волн — беспомощный, утративший надежду, но при этом замороженный!

— Интересно все-таки, — перебил я его, — что именно говорил вам все это время доктор Маллако? Я не смогу вам помочь, если ваши речи останутся такими смутными и метафорическими. Конкретика, подробности — вот что требуется, иначе откуда взяться доброму совету?

После глубокого вдоха он продолжил:

— Сначала мы бесцельно болтали обо всем и ни о чем. Я упомянул своих друзей, разорившихся из-за усложнившихся условий бизнеса. Под влиянием его деланого сочувствия я признался, что тоже имею причины бояться разорения. «Ну что вы, — сказал он, — способ избежать разорения всегда существует, надо только захотеть к нему прибегнуть. Один мой друг попал однажды в положение, схожее с вашим. Он тоже был управляющим банком, тоже пользовался доверием, тоже допустил рискованные вложения и оказался на грани разорения. Только он не из тех, кто сидит смирно, готовый принять неизбежное. Он понял, что в его пользу говорит незапятнанная репутация, успешное выполнение всех задач, диктовавшихся профессиональным долгом; весьма удачно было и то, что его непосредственный подчиненный в банковской иерархии имел репутацию человека, способного на легкомысленные поступки, на поведение, неподобающее тому, кому доверены чужие деньги, не всегда уравновешенного, тянущегося порой к бутылке и даже однажды